





---

---

С · Е · Р · Г · Е · Й

---

**АЛЕКСЕЕВ**

---



**Сокровища  
Валькирии**

Стоящий  
у солнца



Издательство АСТ  
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
А47

Оформление - Екатерина Фerez

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

**Алексеев, Сергей Трофимович.**  
А47 Сокровища Валькирии. Стоящий у солнца : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-094384-5

На стыке двух миров, на границе Запада и Востока высится горный хребет. Имя ему — Урал, что значит «Стоящий у солнца». Гуляет по Уралу Данила-мастер, ждет суженую, которая вырастет и придет в условленный день к заповедному камню, отмеченному знаком жизни. Сказка? Нет, не похоже. У профессора Русинова есть вопросы к Даниле-мастеру. И к Хозяйке Медной горы. С ними хотели бы пообщаться и серьезные шведские бизнесмены, и российские спецслужбы, и отставные кагэбэшники — все, кому хоть что-то известно о проектах расформированного сверхсекретного Института кладоискателей. Но Стоящий у солнца надежно хранит свои тайны...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094384-5

© Алексеев С.Т., 2014  
© ООО «Издательство АСТ», 2015

«30 июля поздним вечером полиция Эль-Харга — города на юге Египта — в мусорном баке обнаружила труп гражданина Ливии Карамчанда Зелвы, задушенного с помощью нейлоновой гитарной струны. Полиция считает...»

Он отшвырнул газету — как всегда, полиция предполагает полный абсурд... Зелву убили сразу же после исчезновения Джонована Фрича. Правда, вместе с Зелвой точно таким же способом погибли еще шесть человек в разных частях света. Но они не имели никакого отношения к делу. Это жертвы ритуала — «семиструнной гавайской гитары»... В кабинете магистра найден любопытный прибор, приставка к радиотелефону. Каждые восемь часов он прикладывал руку к табло с индикатором, и в эфире не было никакой тревоги. И когда Фрич не вернулся в офис, через шестнадцать часов его радиотелефон автоматически связался с абонентом в Будапеште и три минуты передавал звучание гавайской гитары. А наутро газеты вышли с рекламой концерта композитора Зелвы... «Мы только что пережили гибель дочери и внука Мохандаса Ганди, только что заделали эту брешь... И вот новая пробоина! Конечно, они ждут наших ответных действий, избирают новых заложников, чтобы сыграть еще один аккорд... И, я думаю, если мы втянемся в этот оркестр — будет война... А сейчас она крайне нежелательна!»

# 1

Обыск в квартире Русинов обнаружил довольно поздно, изрядно натоптав в передней, зале и на кухне. За десять дней без хозяина на пол осел значительный слой пыли — осталась открытой форточка, — и всякий след на свежелакированном паркете сразу бы бросился в глаза. Однако следов почему-то не было даже в кабинете за плотно закрытой дверью. Русинов несколько раз приседал, рассматривая пыльное зеркало пола, — ни единого отпечатка. Скорее всего паркет после обыска протерли и вещи расставили точно так, как они стояли. Но все-таки допустили единственную небрежность: между стопок журналов на столе обронили маленький пакетик с двумя запасными предохранителями от какого-то японского прибора. Русинов очень хорошо знал, что есть у него в доме и чего нет и быть не может, и потому, случайно заметив эти предохранители, сразу же насторожился: он отлично помнил, как прибирал на столе перед отъездом и что никакого пакетика не видел. Значит, он появился за эти десять дней, пока Русинов был на глухаринной охоте в Вологодской области. Кто-то входил в квартиру и вносил прибор... Какой и зачем? При чем прибор был наверняка упакован, и там, в упаковке, находились запасные предохранители...

Прежде чем обследовать квартиру, он глянул на электросчетчик и сверил цифры с теми, что были записаны в расчетной книжке, — почему-то «нагорело» пять киловатт, хотя перед отъездом на охоту Русинов отключил холодильник, который мог накрутить счетчик, и заплатил за электроэнергию. Судя по всему, неведомый прибор, побывавший в его квартире, был мощ-

ный, и скорее всего это либо портативная рентгеновская установка, либо лазер...

А если так, значит, в доме был обыск.

Сначала Русинов осмотрел кабинет — книжные полки, письменный стол, подоконник, где пачками лежали научные журналы, — и обнаружил еще несколько примет: выцветшие или пожелтевшие на солнце полоски на обложках оказались спрятанными, а кое-где, напротив, торчали свежие, не тронутые светом уголки. Кто-то рылся в рукописях и материалах, лежащих в ящиках стола, и на самом столе все бумаги были тщательно разложены, может быть, чуть аккуратнее, нежели Русинов раскладывал сам. Тот, кто делал обыск, прекрасно знал характер и поведение хозяина квартиры и, конечно же, располагал информацией, куда и насколько он уехал, и потому работал неторопливо, со знанием дела. В доме побывала Служба, а не воры, и это обстоятельство еще больше встревожило Русинова. Если для негласного обыска сюда притаскивали рентгеновскую установку, значит, искали тайники, но поскольку их найти не смогли — ибо таковых в квартире не существовало, а в бумагах тоже ничего интересующего Службу не обнаружили, — то, возможно, в телефон, в репродуктор или стены вклеили «клопов» и теперь будут слушать...

Самое главное было — понять, чья это Служба и что пытаются добыть. Маловероятно, что контрразведка, — Русинов никаких секретов не продавал, не разглашал и даже в будущем делать этого не собирался, — и на то, что негласный обыск проводили в целях получить какие-то улики против него, тоже не похоже. Чего ради будут собирать компроматериалы, если он уже три года как не работает в Институте, да и самого Института больше не существует в природе, как, впрочем, и той закрытой лаборатории, которой руководил Русинов, научные же материалы частью уничтожены, а частью переданы в спецотделы Министерства финансов и Госбезопасности. Члены ликвидационной комиссии поставили свои подписи и тем самым сняли всякую дальнейшую ответственность с завлаба за судьбы всех многолетних наработок. Их могут еще больше засекретить и опустить в бронированные сейфы, а могут при нынешней безрассудной гласности вытащить на свет Божий, и все тайны скоро пожелтеют или выцветут на газетных полосах...

Русинов неторопливо разобрал рюкзак, разложив охотничьи принадлежности по своим местам, затем почистил и смазал маузер — короткоствольный карабинчик 22-го калибра, вещь на глухариной охоте незаменимую, и спрятал в сейф — теперь до осени... А сам все мысленно ходил по стопам тех, кто с такой доскональностью обследовал его квартиру, перебирал в памяти те материалы, что лежали в столе и на книжных полках, но ничего крамольного не находил. Искать могли единственное — карту «перекрестков» и божка — нефритовую обезьянку. Однако это было его собственностью, хотя и относилось к проблемам, которыми когда-то занималась русиновская лаборатория. Карту «перекрестков Путей» он создал сам и сам же открыл некоторые закономерности этих Путей, причем уже после ликвидации Института, и божок к нему попал тоже после. Да и знают об этих вещах всего два человека в мире — он, Александр Алексеевич Русинов, и бывший сотрудник лаборатории Иван Сергеевич Афанасьев...

Что, если Иван Сергеевич ненароком где-то проговорился? И Служба мгновенно заработала, стараясь выяснить, все ли секретные материалы сдал Русинов во время ликвидации Института? Не оставил ли какие материалы последней экспедиции, незарегистрированные и неучтенные? Может, кое-что нематериальное, не выраженное в письменном отчете оставил в голове? Разумеется, в голове осталось многое. Лабораторию закрыли внезапно, «на полуслове», сотрудников разогнали — кого на пенсию, кого откомандировали в распоряжение Управления кадров Министерства обороны, предварительно отобрав подписки о неразглашении. Не сдавать же голову в спецотдел вместе с бумагами! В сорок три года полковник Русинов ушел в отставку, но оставался профессором, доктором наук и считал, что голова еще сгодится, хотя его приговорили к пожизненной и довольно высокой пенсии. Правда, вне стен закрытого Института ни титулы, ни знания ему особенно негодились, поскольку Русинов образование имел медицинское, но при этом двадцать лет занимался геофизикой, археологией и философией, а докторскую защищал на кафедре социологии. Эта чудовищная гремучая смесь наук годилась, возможно, для далекого будущего, но никак не для сегодняшнего смутного дня великих

перемен, дня, который замкнулся на себе и не желал думать ни о прошлом, ни о будущем. Но он, Русинов, не мог ликвидироваться «на полуслове» вместе с лабораторией и потому продолжал жить в прежнем режиме и никак не мог вписаться в суматошное «сегодня», целиком погружившись в древность, в доледниковую эпоху, и потому имел прозвище Мамонт. Однако и прозвище его было известно лишь посвященным — тем, кто работал в Институте либо каким-то образом имел о нем представление. Он и глухариную охоту-то любил больше за то, что выпадала возможность послушать звуки пения птицы из той эпохи и как бы услышать ее голос. И разумеется, Мамонту было приятнее находиться там, в доледниковой эпохе, или уж по крайней мере на грани ее, потому что он считал эту эпоху поворотной в истории человечества на Земле. Если вместе с историей сделать поворот, то за ним можно увидеть новую историю, новый Путь, уходящий в будущее, как бесконечная лесная просека. Чтобы проверять свои аналитические конструкции и модели, чтобы в одиночку не заблудиться на многочисленных путях и перепутьях поиска истины, раз в месяц, а то и чаще, Русинов ездил к своему давнему другу и сотруднику Ивану Сергеевичу в Подольск. Ивану Сергеевичу уже было под шестьдесят, и работал он в Институте со дня основания, много чего знал и умел, считался хорошим специалистом в области геологии, картографии и астрономии, хотя имел историческое образование. Однако после ликвидации лаборатории Иван Сергеевич сразу же отошел от дел, успокоился и расслабился. Русинов стал замечать, что ветерана все больше и больше тянет на воспоминания, ностальгические разговоры о конце пятидесятых, когда Институт работал на дне будущего Цимлянского моря, и в этих воспоминаниях он кое-что пробалтывает — без злого умысла, в порыве тоски по прошлым временам. Однако же иногда вылетало у него такое, что запрещалось говорить даже своим сотрудникам: дружба дружбой, но табачок — врозь...

И теперь Русинов мог подозревать только Ивана Сергеевича: никто другой о карте «перекрестков» и о нефритовой обезьянке не знал и знать не мог. Что было еще искать у него в квартире? Тайник у Русинова был, да только не здесь, а на даче, которая после развода принадлежала бывшей жене Татьяне. У них

сохранились нормальные отношения, и Русинов часто приезжал к сыну Алеше — все лето они вели дачный образ жизни; а зимой он, бывало, забирал сына и уезжал с ним на выходные, опять же туда, на дачу, таким образом сочетая приятное с полезным. Чердачная неотапливаемая комнатка, где раньше работал Русинов, как бы оставалась в его владении, и там, среди завалов газет и журналов со всего мира, можно было спрятать все, что угодно. Труднее было с материальными предметами — нефритовой обезьянкой и капсулой с кристаллом КХ-45. Богиню-утешительницу Русинов попросту обмазал глиной, вылепил забавного медвежонка, высушил, раскрасил и слегка обжег в тигле на слабом огне. Получилась детская игрушка, которую можно поставить куда угодно вместе с другими такими же глиняными птицами, зайцами и веселыми мужичками. Капсулу с кристаллом он прятал и в мусорное ведро, и в банку с топленым салом, пока наконец не нашел подходящего места — спустил на проволоке в смотровой отводок канализационной трубы, на уровень потолка нижней квартиры.

Звонить Ивану Сергеевичу Русинов побоялся, дабы не выказывать, что он обнаружил в своей квартире произведенный негласный обыск. Он наскоро сполоснулся в душе, переоделся и поехал в Подольск.

Иван Сергеевич не ждал Русинова, хотя примерно знал, когда тот вернется с охоты. Тем более что Мамонт явился на ночь глядя, без звонка, заметно утомленный дорогой. Иван Сергеевич заподозрил неладное, но виду не показал: его жена, Валентина Владимировна, после выхода мужа на пенсию очень ревностно опекала его и оберегала от бывших сослуживцев. А к Русинову относилась с особым недоверием, ибо он чаще всего приезжал с какими-то делами и беспокойством. Понять ее было можно: большую часть жизни Иван Сергеевич мотался по экспедициям, заработал букет соответствующих походным условиям болезней — от радикулита до язвы желудка, но благодаря стараниям жены за три пенсионных года заметно поправился и помолодел. Он, как и Русинов, отпустил бороду, длинные волосы и теперь напоминал сельского священника.

Пока Валентина Владимировна собирала на стол, Русинов позвал Ивана Сергеевича на улицу, в машину, чтобы вручить

подарок — полмешка чаги, нарубленной специально для ветерана с вологодских берез. Иван Сергеевич подарку обрадовался, но сразу же спросил:

— Чего прилетел-то? Не чагу же привез?

— Вот что привез, — сказал Русинов и подал пакетик с предохранителями. — Нашел у себя в квартире.

Иван Сергеевич включил в кабинете свет, долго рассматривал сверкающие на ладони детали и наконец заключил:

— Это не лазер и не рентген. Скорее всего гамма-плотномер. Искали пустоту в стенах, проверяли, каким материалом они заполнены.

— Что бы это значило?

— А хрен их знает, — пожал плечами Иван Сергеевич. — Но я точно знаю: в нашей Службе безопасности такие приборы были только отечественного производства. Японских не покупали — они намного хуже. Хотя при нынешней погоне за иностранщиной все возможно. Доллары появились — купили.

— Если не купили?

— Значит, у тебя в гостях была не наша Служба, — засмеялся Иван Сергеевич. — Допустим, японская, американская, израильская и еще из ста двадцати стран мира.

— Очень хорошо! — разозлился Русинов. — Какие-то Службы шарят в моей квартире, как у себя дома! Ну все, приехали!

— Чего ты возмущаешься? — Иван Сергеевич похлопал его по плечу. — Они теперь по всей стране шарят, как у себя дома! Знаешь, Саня, а ведь подобное уже со мной было. Меня однажды тоже какая-то Служба щупала, в пятьдесят восьмом. Если тогда было можно, то теперь...

Он не договорил, прихватил мешок и пошел в квартиру. У двери вдруг успокоил, подбодрил:

— Наверняка прибалты у тебя рылись. Их Служба обнагления вконец — людей в России ворует и к себе увозит... Впрочем, ладно, разберемся...

За столом Русинов рассказывал об охоте, о цыгане, который работает таксидермистом в областном музее и делает прекрасные чучела. Цыгану и отдан был добытый глухарь. Иван Сергеевич, не скрываясь, тосковал от этих рассказов, хотя, кроме рыбалки, ничем больше не занимался, если не считать ого-

рода. Но между делом он о чем-то сосредоточенно думал и, похоже, только ждал, когда закончится ужин и можно будет, уединившись в кабинете, поделиться своими размышлениями. Валентине Владимировне не хотелось оставлять мужчин наедине, и она начала было уговаривать Русинова отдохнуть с дороги, но Иван Сергеевич встал из-за стола и попросил принести чай в кабинет.

— Слушай, Мамонт, — начал Иван Сергеевич, едва Русинов затворил дверь. — С нами, кажется, опять старую шутку проделали. Ну, со мной ладно... А вот с тобой — точно, и со всеми молодыми ребятами Института.

— Что за шутка?

— Ты сказал про обыск — я сразу вспомнил. — Иван Сергеевич развалился за своим столом, как начальник. — Ты же про Цимлянск слышал? После Цимлянска нас тоже разгоняли...

— Хочешь сказать, Институт не закрывали? — насторожился Русинов.

— Я пока ничего не могу сказать, — уклонился ветеран. — Но зато очень хорошо помню события после Цимлянска. И обыск у меня был, правда, без аппаратуры, но стены простукивали... Цимлянск, Мамонт, у меня всю жизнь из головы не выходит!

Это была старая и странная история, ставшая достоянием ушей всего Института лишь в начале восьмидесятых. Причем рассказывали ее уже почти безбоязненно те, кто уходил на пенсию и знал, что уже никак не пострадает. В пятьдесят восьмом году сухопутный отдел «Юго-Восток» работал на дне будущего Цимлянского водохранилища. Гражданские археологи из университета большим скопом раскапывали город Саркел, а профессиональные «гробокопатели», как в шутку называли сами себя сотрудники Института, ползали по степи и искали хазарские захоронения. Одна такая могила тогда потрясла воображение руководства: было извлечено около двухсот килограммов золота в слитках и серебро в изделиях — тончайшей работы индийские сосуды. Отдел усилили людьми и техникой из других отделов и начали крупномасштабный поиск. Скоро обнаружили еще одну могилу, где ценностей было примерно столько же. В степь пригнали батальон внутренней охраны, пустили патру-

ли на машинах, на дорогах установили контрольно-пропускные посты — все якобы потому, что началась эпизоотия — яшур. После того как нашли третью и четвертую могилы, возникла оригинальная гипотеза, в разработке которой принимал участие и Иван Сергеевич, младший научный сотрудник. Хазария два с половиной столетия держала все торговые пути в Индию и Переднюю Азию, откуда в то время на Русь и в Европу поступали золото, алмазы, бриллианты. Оседлав три мощные реки, три берега трех морей, Хазария брала огромные налоги с купцов и, конечно же, занималась обыкновенным разбоем и грабежом на этих путях. Эдакое государство-таможня, государство-пират. Князь Святослав разгромил Хазарию, но ни в летописях, ни в арабских источниках не слышать было о сокровищах хазар, по многим соображениям, несметных. Ничего не досталось и гузам — диким племенам, которые после Святослава в поисках добычи сожгли и разорили все, что горело и разрушалось. Они пытались раскапывать древние курганы, могилы. Но отмеченные какими-либо надгробными знаками захоронения были бедными. После гузов в степи рылись все, кому не лень, на протяжении многих веков.

Последним из пришедших «гробокопателей» был Гитлер. Специальные команды начинали работать в степи, еще не обезвредив дороги от мин, не убрав трупы после боев. У немцев существовала оригинальная версия, основанная на глубоком знании каббалы, согласно которой утверждалось, что все сокровища Хазарии — в могилах белых хазар-иудеев, которых хоронили далеко в степи в тайных местах, не оставляя никаких знаков на земле. И, напротив, из могил черных, третьесортных хазар создавали своеобразную, отвлекающую приманку в виде памятных камней, курганов и склепов. Их-то во все века и разрывали незадачливые кладоискатели. Однако еще и Святославу было известно, что золото Хазарии хранится в могилах, ничем не отмеченных, и что могилы эти не просто в беспорядке разбросаны по степи, а имеют ориентацию и форму. Вокруг Хазарии существовал золотой побережный знак в виде каббалистической Змеи, державшей себя за хвост. Видимо, Святослав не очень нуждался в сокровищах, иная задача беспокоила его — прорваться сквозь этот знак, уничтожить сакральные центры парази-

рующего государства, поразить и обездвигить Змею. И он блестяще ее выполнил, ударив не по столице — Итилаю, а совершив неясный для непосвященных, гигантский круг-поход по границам Хазарского каганата, и мощное государство мгновенно развалилось в прах. Похоже, немцы хорошо все это проработали, но у них не хватило времени, чтобы отыскать хотя бы одну могилу белого хазара и, привязавшись к ней, вспороть брюхо золотой Змеи.

Версия Института целиком основывалась на немецкой гипотезе, и когда после открытия чертовой могилы произвели расчеты, используя каббалистические системы чисел, наконец подобрали ключ к хранилищу хазарских сокровищ. У сотрудников Института глаза на лоб лезли, когда геодезист делал промеры и давал точку, где копать. Верили и не верили: недавние расчеты напоминали игру, разгадывание ребусов. Но каждая вскрытая могила тысячелетней давности приводила в шок золотыми слитками, изделиями, драгоценными камнями.

И вдруг пришел приказ — немедленно прекратить все работы и выехать в Москву. Это в середине лета, в разгар сезона! Все материалы и расчеты изъяли. Институт практически расформировали, оставив единственный отдел — морской. Объясняли такие действия очень просто: мол, хазарское золото — стратегический запас, спрятанный надежнее, чем во всяком банке, и его следует беречь на самый черный день. Иван Сергеевич тогда получил свой орден и несколько лет плавал по Черному морю на небольшом, неприметном буксире с водолазным оборудованием и батискафом. Спустя несколько лет он случайно узнал от знакомого археолога, который был на раскопках Саркела, что после их отъезда охрану в степи усилили, перекрыли некоторые дороги и до января какая-то бригада мелиораторов рыла экскаватором шурфы. Причем мелиораторы работали день и ночь. И однажды этот археолог, стреляный воробей, будто бы заблудившись в степи на машине, проехал по следам странных раскопок и убедился, что древние захоронения продолжают раскапывать, причем очень грубо, наспех, будто выполняют план по количеству. Цепочка свежезарытых ям давно уже вышла за пределы ложа водохранилища и уходила куда-то в степь. Археолог, по-

хоже, рисковал, ибо был задержан, долго объяснялся, почему оказался в запретной зоне, и был выпущен после того, как отобрали подписку о неразглашении. Он не знал, что может разгласить, и потому по знакомству пытался выяснить у Ивана Сергеевича, что же копали в степи и кто копал?

Это было новостью для самого Ивана Сергеевича, и сколько бы он ни пытался узнать через своих людей судьбу хазарских могил, никто ничего толком не объяснял. Пока однажды он не встретился и не сдружился с бывшим начальником Третьего отдела Министерства финансов СССР. Вместе лечили радикулит в крымском санатории. Через его руки проходили все золото и серебро, алмазы и драгоценные камни, поступавшие в государственную казну. Он прекрасно помнил золотые слитки-лепехи, которые сдавал Институт после раскопок на дне будущего водохранилища: золото было редкое, необычное. Однако его было немного, и после расформирования Института, естественно, не поступило больше ни грамма. Иван Сергеевич тогда сильно озадачил бывшего начальника, и старый чекист отправился выяснять судьбу хазарского золота. Неизвестно, что ему удалось узнать, потому что при последней встрече он посоветовал Ивану Сергеевичу не соваться в это дело и дружбы больше не поддерживал. А скоро вообще оказался в кремлевской больнице и потом — на Ваганьковском кладбище.

Похоже, золотая Змея выпустила из своих зубов хвост и уползла прочь.

Институт потом заново воссоздали, одного за другим вернули специалистов. Но странное дело, начался какой-то молчаливый, без сговора, и длительный по времени саботаж. Обжегшись на цимлянском случае, сотрудники вроде бы и работали рьяно, находили оригинальные решения проблем, упражнялись в лозоходстве, но уже больше никогда не давали таких результатов, какие были в Цимлянске. И золото Российской империи, вывезенное Колчаком, продолжало лежать где-то в Сибири. Не поддавались розыску клады царицы чулымских татар. И сокровища варягов, над поиском которых работал Русин, тоже оставались в земле или на дне озер.

— С Цимлянском они интересную шутку прокрутили, — повторил Иван Сергеевич. — Концов теперь не найти, люди по-